

Свѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III. ◦ № 21

Государственный
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

В. Г. РИЦКАЯ

☆ Попробуй, тронь только!.. ☆

Черный котъ Цапъ-Царапычъ.

С К А З К А.

ПОШЛА бабушка Кавыся бѣлье на рѣку полоскать; видитъ, ребята тащатъ топить чернаго кота, Цапъ-Царапыча и жаль ей стало бѣднаго кота.

— Ребята,—говоритъ,—отдайте мнѣ его.

— Ну, что-жь,—говорятъ ребята,—а ты намъ за то дай пяточокъ!..

Взяла бабушка Кавыся кота подъ мышку, пошла домой и бормочетъ подъ носъ:

— Самой ѣсть нечего, а я кота купила. Да еще пяточокъ за него отдала!..

Только котъ ей и отвѣчаетъ:

— Не тужи, старушка, со мной тебѣ будетъ хорошо.

Оторопѣла старуха и спрашиваетъ:

— Да развѣ коты говорятъ по-человѣчьи?..
Засмѣялся котъ и лапой махнулъ.

— Да вѣдь это сказка!.. А о пяточкѣ ты
не тужи. Я тебѣ его верну!..

Сталъ черный котъ у ба-
бушки Кавыси жить - пожи-
вать, въ работѣ ей помогать.
А котъ онъ былъ хозяйствен-
ный. И постель оправить, и
постелить, и кофе смелеть,
и щи сварить съ кашей, и лапшу накрошить.
Полъ вымететь на-чисто хвостомъ, потомъ во-
ды да дровъ наносить,—и ѣсть не просить. На

молоко и не
глядитъ,
отъ подачи
прочь бѣ-
жить, а сла-
зитъ въ под-
полицу, гдѣ
мышамъ гу-
лять раз-

дольице,—ухватить мышъ за бока и сытъ пока.

— И какъ ты этакую гадость ѣшь толь-
ко?—дивилась на него бабушка Кавыся.

— А ты попробуй, какъ вкусно-то!—от-
вѣчалъ котъ.—И дешево!..

Только бабушка Кавыся все недовольна имъ была, все-то ей было мало, и вѣчно она на кота ворчала, пятакомъ попрекала. И было коту это всего горше.

— Отплачу я тебѣ, — говорилъ онъ старухѣ, — не смущай ты меня только.

— Да, отплатишь! — ворчитъ старуха. — А что у тебя за душой-то есть?

— Наживемъ, дай срокъ. Умны вы, люди, а кабы жили душа въ душу со звѣрями, вамъ же бы лучше было.

А бабушка Кавыся его за то вѣникомъ.

— Ты еще поучи меня, такъ я тебя и со двора сгоню!..

А бабушкѣ Кавысѣ жить стало хорошо, дома работа вся справлена, все на своемъ мѣстѣ поставлено; времени свободнаго стало у нея много, — все слава Богу.

«А что, — думаетъ бабушка, — начну-ка я на площади торговать».

Вотъ и накупила она конфетъ, стручковъ, леденцовъ, сѣмячекъ, булокъ, сѣла на базарѣ въ закоулокъ, торгуетъ помаленьку да денежки наживаетъ, а кота все-таки по-прежнему ругаетъ:

— И дармоѣдъ-то, и бездѣльникъ-то, и такую гадость, какъ мышей ѣсть!.. Одно слово, загубила я зря пяточокъ!..

Только вотъ разъ напало на городъ мышей да крысь видимо-невидимо. Подошли къ городу, шлютъ своего глашатая,—а была этомышь сѣдая, Степанида... Пошла она по городу, нагнала на всѣхъ страху да холоду.

— Слушай,
— пищитъ,
— старый да малый, отвори
кладовыя да подвалы,
подавай намъ весь базаръ,
откры-

вай амбаръ, ублаготвори насъ рожью, овсомъ, ячменемъ да просомъ, а самъ седи съ носомъ.

Приуныли люди добрые, заплакала бабушка Кавыся... Что теперь дѣлать?

А кошки да коты въ то время о мышахъ и знать не знали, ловить ихъ не умѣли, не пекли ихъ, не ѣли и коготкомъ ихъ тронуть не смѣли... Собаки тоже мышей боялись.

Послалъ король Додонъ, войско на мышей а мыши и окружили воиновъ со всѣхъ сторонъ.

— Господа хвостатые,—говорять воины,—

какъ же вы можете королевское войско хватать?.. У насъ король строгій!..

А мыши въ отвѣтъ:

— Эва, да и у насъ мышинный царь, да еще въ коронѣ.

Что вы прикажете дѣлать?

Да провѣдалъ про ту бѣду
черный котъ Цапъ-Царапычъ...
Пришелъ къ королю, отвѣсилъ

поклонъ:

— Будь здоровъ, король Додонъ!.. Хочешь, я тебѣ все мышинное войско растормошу, самого ихняго царя задушу!..

— Ахъ, пожалуйста!..

И самъ Додонъ коту лапку пожалъ и за ушами у него почесалъ.

А собаки смѣются, надъ котикомъ издѣваются:

— Ну-ка, сунься къ мышамъ, черная твоя

морда, а мы полюбуемся на тебя. Зададутъ тебѣ мышата жару-пару!..

Пошелъ Цапъ - Царапычъ по полю похаживать, мышей бархатной лапкой охаживать; сыплеть пощечины направо, налево...

— Я,—говорить,—осторожно...

— Господинъ котище, — пищать мыши,— развѣ такъ возможно?

— Ничего,—говорить,—потерпите... Это я еще только коготки острою, а тамъ посмотрю...

Видятъ мыши, что тутъ плохи шутки, почесали затылки и повернули назадъ...

Съ той поры и всѣ коты и кошки выучились мышей душить понемножку. А собаки съ той поры на кошекъ обидѣлись, что онѣ у нихъ славу отбили, и грызутся съ ними изо дня въ день и по наше время...

Призвалъ король кота Цапъ - Царапыча, повязалъ ему ленточку на шею съ бубенчикомъ, а бабушкѣ Кавысѣ тысячу рублей выдалъ... Пришла бабушка Кавыся домой и говоритъ коту:

— Только я тебѣ ни копейки не дамъ.

— И не надо,—говорить котъ,—мыши у

меня даровыя, квартиры мнѣ не снимать, шубы не покупать,—на что мнѣ твои деньги? Отпусти только меня на волю.

— А выкупъ-то? За тебя деньги плачены.

Подивился котъ такой жадности, пошелъ на базаръ, продалъ бубенчикъ, принесъ выкупъ бабушкѣ Кавысѣ, махнулъ лапой на нее и ушелъ, куда глаза глядятъ.

Съ той поры кошки вообще холодно относятся къ людямъ, живутъ сами по себѣ и ни о чемъ съ людьми не разговариваютъ.

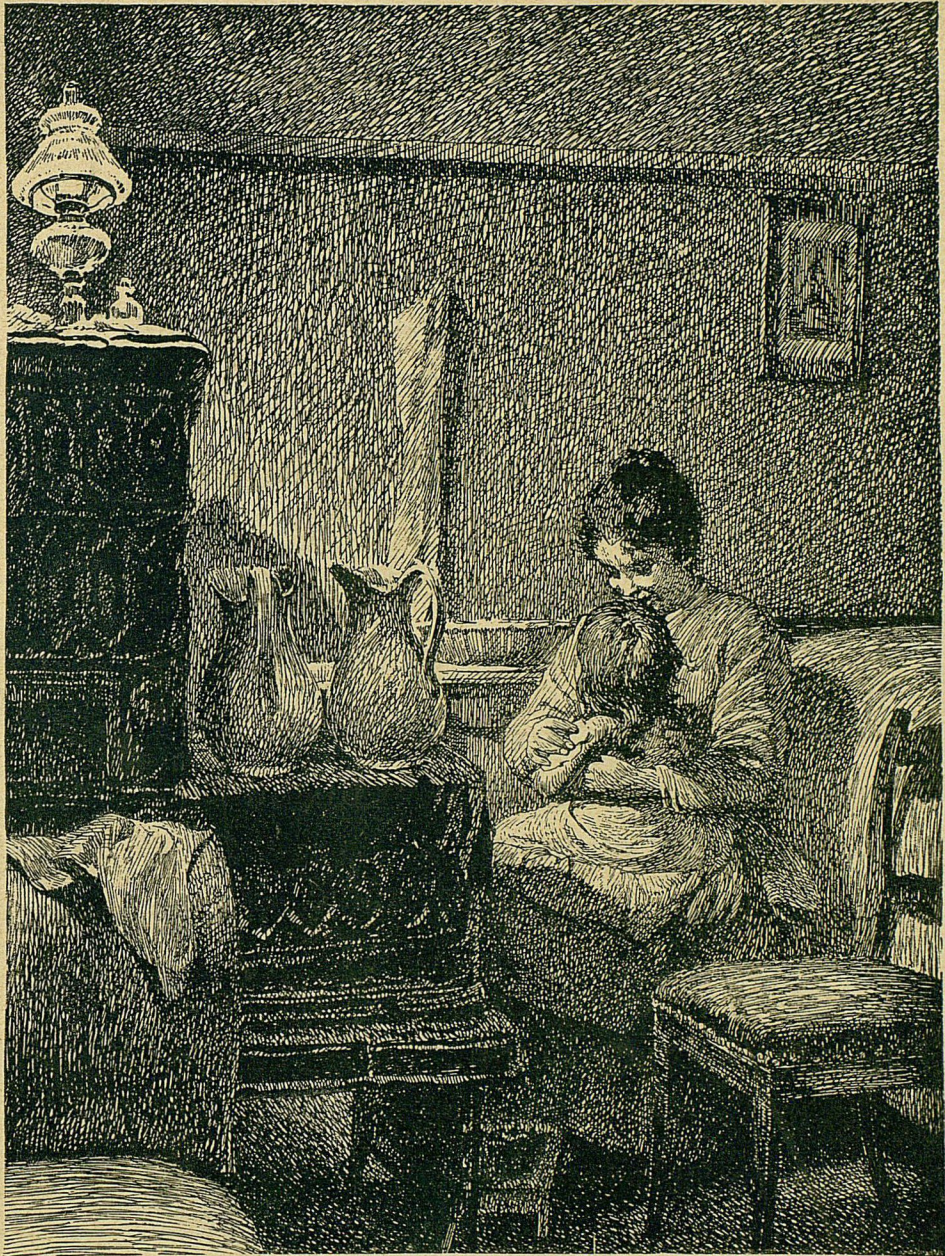
А. Федоровъ-Давыдовъ.

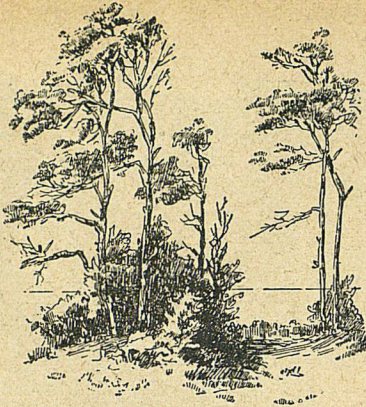
Молитва за всѣхъ.

Изъ стих. А. Майкова.

Помолись, душа святая,
И о странныхъ, и чужихъ,
О тоскующихъ, далекихъ,
И о добрыхъ, и о злыхъ...

☆☆☆ Спать пора! ☆☆☆

Колыбельная пѣсня.

СПИ, моя пташечка;
спи, моя дѣточка,
Буря шумить за окномъ.

Старыя сосны скрипятъ и качаются.
Жутко во мракѣ ночномъ.
Ты же не бойся. Головкой кудрявою
Лягъ ты на руку мою.

Спи, моя радость, а я колыбельную
Тихую пѣсню спою.

Только забудешься,—ангелы чистые
Съ неба на землю сойдутъ
Съ нѣжными ласками, съ чудными сказками,
Свѣтлые сны принесутъ.

Буря утихнетъ, и на небѣ яркіе
Снова зажгутся огни.

Спи, моя пташечка; спи, моя дѣточка;
Спи, мое счастье. Усни!..

Н. Фольбаумъ.

Въ сухомъ бору.

ШИРОКО раскинулся по песочному взгорью красный соснякъ. Чуткая тишина царить кругомъ. Полдень; августовское солнышко грѣеть уже не полѣтнему.

Чуть замѣтно торчатъ изъ подушки мха шапочки разныхъ грибовъ. Тутъ и крѣпкіе боровички, и красные подосинники въ томъ мѣстѣ, гдѣ случайно выросли двѣ три осинки. Около низкорослой березы притаились и „черняки“, отливаются оранжево-коричневымъ цвѣтомъ вогнутая въ середину шляпка „рыжика“. Въ красивыхъ, красныхъ съ бѣлыми пушырушками уборахъ щеголяютъ „мухоморы“.

Грибное царство блаженствуетъ; грибы нѣжатся подъ теплыми лучами солнышка, беззаботно выставляютъ на показъ свои шляпки и бесѣдуютъ межъ собою по-своему.

Они довольны, что въ бору не видно людей, которые ищутъ ихъ и срываютъ съ родного мѣстечка.

— Нѣтъ, ужъ сюда, въ такую лѣсную глушь не проберется ни одинъ человекъ! — увѣренно пропощалъ рыжикъ.

— Да если бы и пришелъ кто сюда, другихъ отыщутъ, а меня ужъ не найдутъ, — спокойно замѣтилъ „подберезникъ“, — спрячусь въ паломъ листу, и дѣло съ концомъ.

— А я такъ очень боюсь, — вздохнулъ „подосинникъ“, — мою красную шапочку сразу всякій увидить...

— Трусъ, — процѣдилъ сквозь зубы „мухоморъ“, а я вотъ не боюсь! Попробуй меня тронуть, — не радъ будешь!

— Ты чего расхвастался? Кому ты нуженъ - то? Развѣ только мухъ морить, да и тѣхъ теперь мало.

Пролетавшая надъ полянкой въ это время муха, услышавъ эти слова, только презрительно зажужжала...

Среди вѣтвей раздался легкій трескъ, грибное царство смолкло и притаилось.

— Ну, чего испугались, сосѣди? — замѣтилъ жукъ-рогачъ. — Это шумитъ нашъ лѣсной вѣстунъ — бѣлочка-перекаточка...

И дѣйствительно, съ высокой вѣтки сосны свѣсилъ ярко-желтый хвостъ веселаго звѣрка. Грибы успокоились.

— Покарауль ты насъ, бѣлочка-перекаточка, — взмолились они; — упреди отъ человѣка, чтобы мы могли попрятаться отъ него.

— Ладно, ладно, покараулю и во-время извѣщу!

И рѣзвый звѣрокъ легко запрыгалъ съ вѣтки на вѣтку.

— Ишь какого мы сторожа вѣрнаго наняли! — промолвилъ царь грибовъ, могучій боровикъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Ужъ перекаточка не выдастъ! — чуть слышно отозвался изъ-подъ елочки рыжикъ.

— Вотъ гдѣ ты сидишь, хитряга,—изумился боровикъ,— сразу тебя и не замѣтишь.

— Хитрость—не глупость,—отвѣтилъ рыжикъ.

Грибная бесѣда снова завязалась; забывъ опаску, легкомысленныя сыроѣжки распѣвали пѣсенки, масленка подтягивала имъ легкимъ баскомъ, рыжикъ визжалъ высокимъ теноркомъ.

Пробовалъ подпѣвать и мухоморъ, но онъ такъ фальшивилъ, что запоздалыя пчелки-мохнатки и извѣстный музыкантъ-кузнечикъ недовольно жужжали на него.

Солнышко спускалось все ниже и ниже, лучи его стали падать сбоку черезъ стволы деревьевъ, но тѣмъ не менѣе было еще очень свѣтло. Въ бору по-прежнему стояла тишина, нарушаемая только трескомъ вѣтвей отъ прыжковъ бѣлки-перекаточки, но и онъ скоро умолкъ; рѣзвуха отпрыгнула далеко въ сторону и грызла себѣ сосновыя шишки.

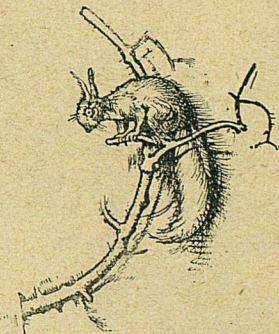
Разшалившіеся грибы и не замѣтили, какъ къ нимъ подкралась бѣда неминуемая... Безшумно ступая по мху босыми ножгами, сухимъ боромъ шла дѣвочка. На рукѣ у нея не было страшнаго для грибовъ кузова; бѣлая рубашонка и темная шапка вьющихся волосъ на головѣ дѣлали ее похожей на большой грибъ.

Бѣлочка, занятая грызеньемъ шишекъ, и забыла о своемъ обѣщаніи караулить; развеселившееся грибное царство замѣтило дѣвочку только тогда, когда она была уже на лѣсной полянкѣ.

Ея появленіе не испугало грибовъ; они смотрѣли на ребенка съ изумленіемъ, но и только.

— Какой большой грибъ! — замѣтилъ пораженный боровикъ.— Это, должно-быть, подберезникъ!

Забыли объ опасности и другіе грибы и не спрятали свои шапочки во мху и подъ налыми листьями. Голубые глазки ребенка засвѣтились радостью. Больше всего вниманіе дѣвочки при-

влекъ красавецъ-мухоморъ, она быстро подбѣжала къ нему и сорвала его красную шапочку. Тутъ только поняли грибы, что на глухую полянку явился не новый, невиданный ими грибъ, а ихъ исконный врагъ — самъ человекъ!

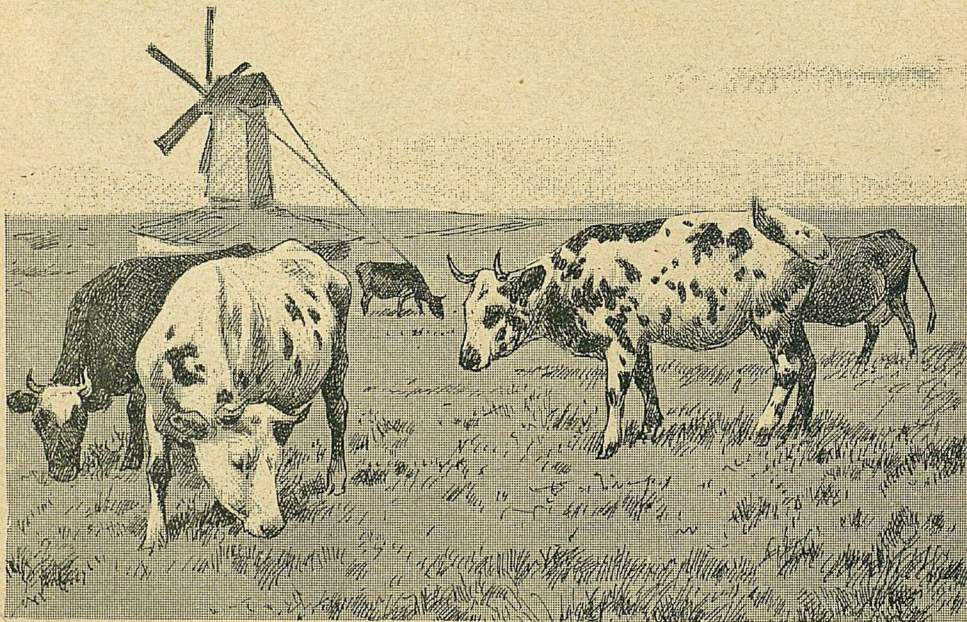
Поздно ужъ было прятаться, зоркій взглядъ ребенка замѣтилъ, гдѣ сидятъ грибы-грибочки; маленькія руки проворно рвали ихъ и складывали въ подолю рубашки.

Скоро вся шумливая компанія была сорвана.

„Какъ тятя-то съ мамкой будутъ рады! — думала дѣвочка. — На цѣлый ужинъ имъ грибовъ набрала“.

На опустѣлой полянкѣ въ сухомъ бору медленно ползъ жукъ; направляясь домой, онъ жалѣлъ о погибшихъ грибахъ.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

Послѣдній выгонъ.

Онъ не забылъ добра.

МНОГО-МНОГО лѣтъ тому назадъ случилось это. Жилъ-былъ далеко отъ нашей страны народъ, римляне. Богатые, сильные были они. Побѣждали они слабѣйшихъ сосѣдей и забирали ихъ въ плѣнъ.

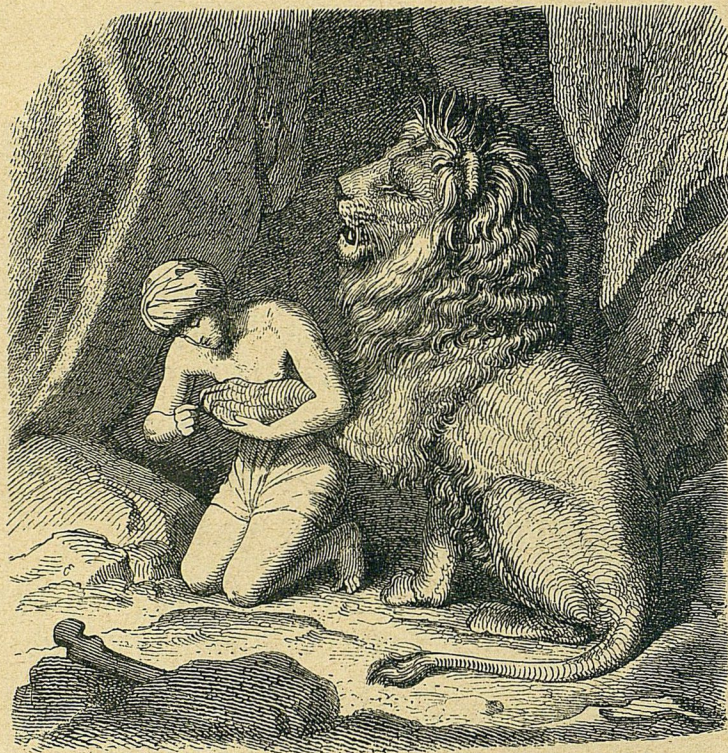
Вотъ и убѣжалъ разъ одинъ плѣнникъ, Андроклъ, отъ нихъ и скрылся въ горахъ. Хотѣлъ онъ, было, спрятаться въ пещеру отъ погони и вдругъ наткнулся на льва.

Онъ думалъ, — звѣрь растерзаетъ его. Но левъ съ жалобнымъ воемъ протянулъ ему лапу и все глядѣлъ на него, а на глазахъ у него блестѣли слезы.

Вотъ Андроклъ сталъ на колѣни, взялъ его лапу и ахнулъ.

— Ахъ, ты, бѣдняга! — пробормоталъ онъ, качая головой.

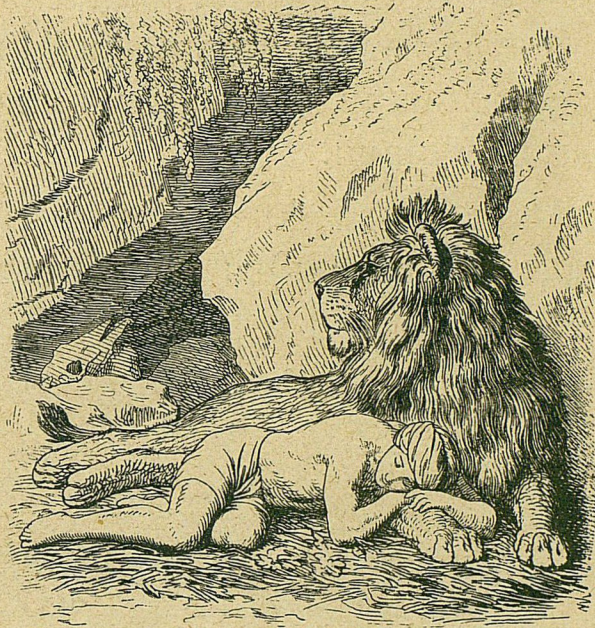
Большая заноза впиалась въ лапу льву, и вся лапа распухла отъ большого нарыва.

Хищникъ жалобно стоналъ, и дрожь пробѣгала у него по лапѣ. Андрокль живо вынулъ занозу изъ раны, выдавилъ гной изъ ранки, а потомъ сбѣгалъ къ ручью и промылъ лапу холодной водой. Боль утихла, и звѣрь сразу успокоился. Усталый Андрокль легъ тутъ же, около льва, положилъ голову

ему на лапу и заснулъ. Онъ былъ спокоенъ: это былъ надежный товарищъ, съ нимъ ужъ никто его не тронетъ.

И тѣсно сдружились они со львомъ. Ходили на охоту вмѣстѣ, ѣли вмѣстѣ и спали одинъ возлѣ другого.

Убѣжалъ разъ левъ и пропалъ. Пошелъ Андроклъ искать его, долго ходилъ всюду. Вдругъ слышитъ вой, крики, топотъ. Влѣзъ онъ на скалу и увидѣлъ, что толпа охотниковъ запутала въ тенета (сѣти) льва и тащитъ его за собой.

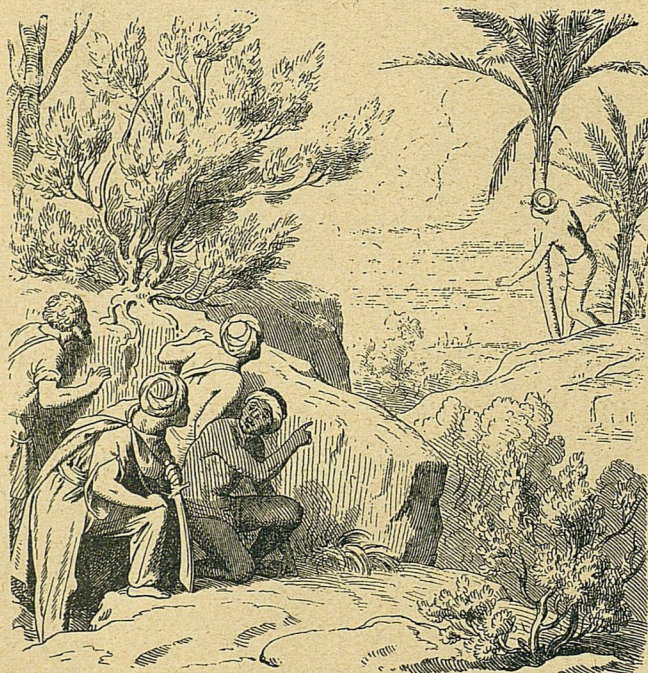
Горько стало Андроклу, но дѣлать было нечего. Остался онъ жить одинъ въ пещерѣ. Но не такъ ему было теперь спокойно. Онъ зналъ, что его ищутъ посланные за нимъ вдогонку непріатели.

И точно, разъ пошелъ онъ къ ручью, а

его и выслѣдили. Схватили, связали по рукамъ и по ногамъ и отвезли въ главный городъ римлянъ Римъ.

Въ Римѣ было огромное зданіе—циркъ, гдѣ на потѣху зрителямъ люди боролись съ людьми и со звѣрями, а преступниковъ травили дикими звѣрями.

Вотъ когда Андрокла привезли, римскій цезарь (правитель) и говоритъ:

— За побѣгъ затравить его львами!..

Насталъ день казни. Всю ночь Андрокль не спалъ отъ страха, зная, что на завтра онъ умретъ.

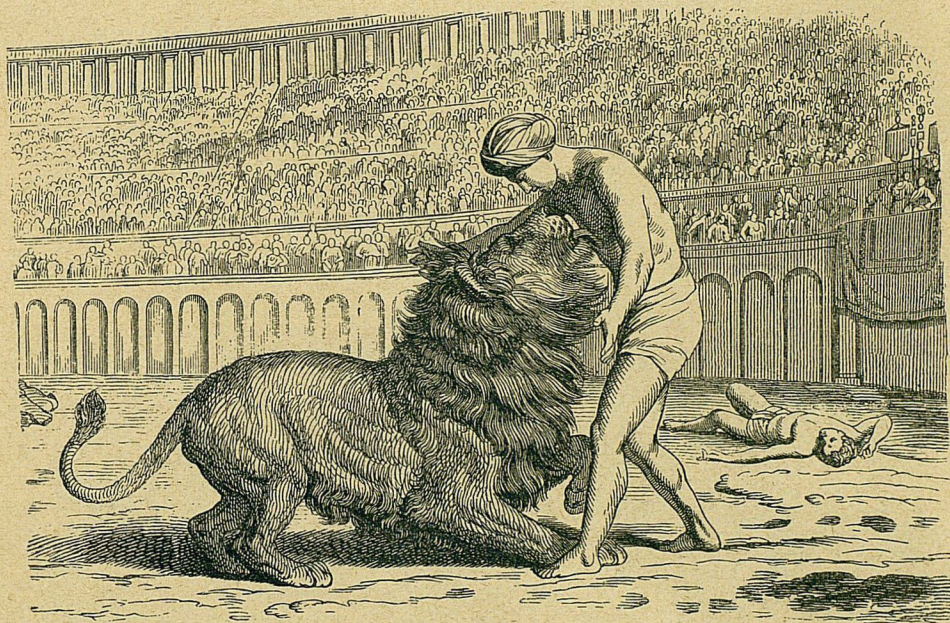
Вывели его на-утро въ циркъ; много

людей смотритъ на него.

Ни живъ, ни мертвъ остановился Андрокль противъ звѣриной клѣтки. Загремѣла желѣз-

ная дверь, завылъ бѣшено огромный левъ и въ одинъ прыжокъ выскочилъ изъ клѣтки...

Глаза его огнемъ горять, хвостомъ онъ себя по бедрамъ бьетъ, языкомъ жадно обли- зываетъ морду и скалитъ зубы. А самъ все ближе да ближе подползаетъ къ несчастному.

И вдругъ хищный звѣрь остановился, сразу стихъ и сталъ, какъ овца, кротокъ; подползъ къ Андроклу и лижетъ ему ноги, руки и радостно, дружелюбно воетъ...

— Товарищъ!..— прошепталъ Андроклъ внѣ себя отъ радости. И онъ трепалъ и гладилъ косматую гриву страшнаго льва.

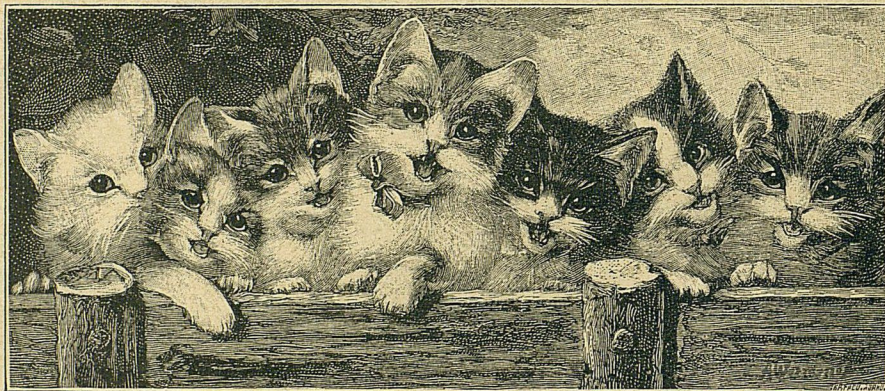
Весь народъ въ восторгѣ завопилъ:

— О, чудо! Отпустить раба на свободу!..

И когда Андроклъ разсказалъ цезарю, въ чемъ было дѣло, цезарь сказалъ:

— Ступай же на свободу и бери съ собой своего друга... Если звѣрь сумѣлъ пощадить тебя, то и люди должны тебя простить...

И ушелъ Андроклъ со своимъ львомъ въ пустыню, гдѣ они жили раньше.

Развеселая компанія.

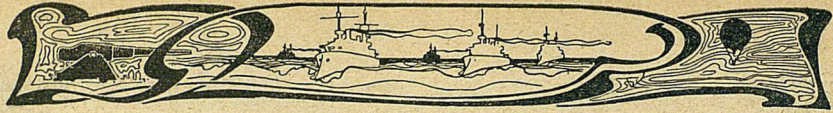
Страшный звѣрь.

Наташа трусить,
 Что мышь укуситъ,
 Дрожить, блѣднѣть,
 Шагнуть не смѣть...
 Куда дѣваться
 Отъ звѣря-братца?
 «Вотъ страшный
 звѣрь,
 «Хоть смерть теперь!

А мышь въ тревогѣ
 Поджала ноги,
 Зажмурясь, жметъся
 И вся трясется...

Ахъ, какъ ей жутко
 Передъ малюткой!
 И страшный звѣрь
 Чуть живъ теперь.

Башенка огней—домашняя иллюминація.

(Объясненіе преміи при № 21).

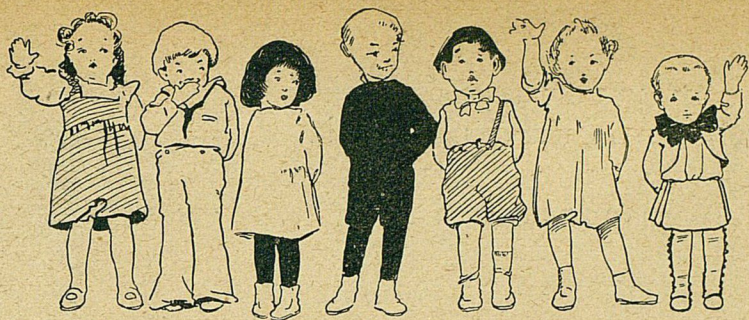
БАШЕНКА состоитъ изъ трехъ этажей; первый этажъ—съ китайцами, второй—съ драконами, третій—со звѣздами.

Перочиннымъ ножикомъ вырѣжьте во всѣхъ частяхъ бѣлыя фигуры вовсе прочь; гдѣ надо вырѣзать маленькіе кружки, тамъ взять шпильку, раскалить кончикъ ея на свѣчкѣ и прожигать ею дырочки. Шпилькою же легче прожечь тонкія полукруглыя линіи, какъ, на примѣръ, по бокамъ китайцевъ, или, на примѣръ, очертаніе драконовъ—во второмъ этажѣ.

Когда будутъ готовы вырѣзы, вы возьмете тонкую папиросную, цвѣтную бумагу, которую трехъ цвѣтовъ мы прикладываемъ при этомъ №, и заклеите ею вырѣзанныя вами части фигуръ съ изнанки, выбирая цвѣта бумаги по своему вкусу. На примѣръ: звѣздочки—желтой бумагой, шапки китайцевъ—тоже; кафтаны ихъ—голубой, а сапоги—красной. Драконы—желтые. Крылья у дракона—красной бумагой; драконы на крышѣ—голубой бумагой; большія звѣзды третьяго этажа желтой, звѣздочки—голубой; лучи наверху—красной.

У cadaго этажа—четыре бока; слегка провести ножомъ по бѣлымъ линіямъ—будущимъ угламъ башенки, согнуть полосы и склеить каждый этажъ особо ящичкомъ безъ дна и безъ крышки. Вырѣзать и рамку, которая ляжетъ на первый этажъ; на рамку поставите склеенный второй этажъ. Вырѣжьте затѣмъ двѣ части крыши съ драконами, опять согните каждую часть по бѣлымъ линіямъ и склеите обѣ части вмѣстѣ. При этомъ края крыши, отмѣченные пунктиромъ, отогните вверхъ и подклейте съ изнанки къ нижнимъ бокамъ верхней башенки. Верхъ у нея не заклеивайте. Эту крышу поставьте на края второго этажа, вотъ вамъ и вся башенка готова. Чтобы устроить красивую иллюминацію, достаточно небольшо-го огарка стеариновой или восковой свѣчки; прилѣпите его къ дощечкѣ, зажгите и вставьте внутрь башенки посрединѣ ея.

НОВЫЯ ДѢТСКІЯ ИГРЫ.

(Собственность составителя).

II. МИШКА ТОПТЫГИНЪ И ПЧЕЛА.

ДО жребію изъ играющихъ выбираютъ Мишку Топтыгина, остальные становятся пчелами. Свиваютъ изъ платка жгутъ,—это „улей съ медомъ“.

Главная цѣль *медвѣдя*—добыть этотъ улей, тогда пчелы его должны „выкупать“, платя по одной маркѣ, по орѣху, по прянику, карамелькѣ и т. п. съ человекѣ. „Пчелы“ должны поэтому всячески защищать свой улей.

Улей кладутъ на стулъ; дѣти дѣлятся на двѣ группы; играющіе каждой группы берутъ другъ друга за руки и составляютъ какъ бы двѣ шеренги. Они могутъ окружить стулъ и улей кольцомъ и вообще какъ хотятъ, но *въ двухъ мѣстахъ кольца есть ходы*. *Медвѣдь* можетъ подлѣзть подъ руками или протискаться черезъ эти два хода, но *пчелы* должны всячески охранять улей и не допускать къ нему *медвѣдя*.

Когда *медвѣдь* начинаетъ говорить, *пчелы* двигаться съ мѣста не могутъ; *медвѣдь* знаетъ это и разными шутками зачаровываетъ ихъ, чтобы улучшить минуту и юркнуть въ середину круга. А говорить *медвѣдь* вотъ что:

„Охъ, вы, пчелочки-работницы,
 „Исполать вамъ, исполать!..
 „Вы до меду-то охотницы, —
 „Только скупы угощать...
 „А мы медъ-то тоже кушаемъ,
 „Не ходите же на базаръ,
 „Вотъ мы пчелокъ и не слушаемъ“.

Пчелы. Ахъ, Михайло Ивановичъ, да
 вѣдь это безсовѣстно!.. При-
 томъ же вы такой важный
 господинъ, носите дорогую шубу,—и вдругъ та-
 скаете медъ!.. Развѣ такъ хорошіе господа дѣлаютъ?

Медвѣдь. Слышу, пчелки,
 Эти толки,
 Но мнѣ все-же
 Медъ дороже...

Дайте крошку
 На дорожку,
 А не-то я,
 Племя злое,
 Раззорю весь улей вашъ!

Во все время онъ можетъ искать лазейку, а пчелы, по-
 втораяю, могутъ не пускать его, но *двигаться* во время его пѣс-
 ни не смѣютъ.

Дядя Самъ.

☆ ☆
 ☆ ☆
 Чернушка ловилъ рыбку,
 да та сама напугала его
 шибко.

☆ ☆
 ☆

Какой ты большой!